

КНЯК Т. Р.

О «ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ» ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. К числу языковых категорий, содержание которых до сих пор является предметом споров в лингвистике, относится понятие «внутренней формы» слова. Между тем различные концепции «внутренней формы» выдвигались разными научными направлениями еще в древние времена. Нельзя в этой связи не упомянуть школы Конфуция, легистов и философов даосского направления, представителей древнеиндийской грамматической школы во главе с Бхартрихари [1], философов древней Греции и Рима, в первую очередь Платона, утверждавшего, что слово, помимо значения и своей звуковой формы, обладает еще «идеей», образом [2]. Аналогичные проблемы номинации решали также многие ученые Европы эпохи Возрождения, например, немец Николай Кузанский, испанец Франческо Санчес и др. Результатом таких поисков явилась разработка аналитического (Шоттедиус) и синтетического (Лейбниц) подходов к определению внутренней формы языковых единиц [3].

На основе всех этих исследований появились фундаментальные работы о внутренней форме, написанные Гумбольдтом, Паулем, Я. Гриммом, Потебней и другими крупными лингвистами. Особенного внимания заслуживают взгляды В. Гумбольдта, который, как принято считать, впервые в лингвистике создал довольно стройную концепцию внутренней формы. Здесь следует, однако, сделать существенное уточнение: различая внешнюю и внутреннюю формы, В. Гумбольдт имеет в виду соответственно звуковую и внутреннюю формы не слова, а **я з ы к а в ц е л о м**. С другой стороны, такое понимание внутренней формы несколько не отрицает ее наличия в отдельных фрагментах языка, выражениях, словосочетаниях, словах. Такой же вывод напрашивается из самой теории В. Гумбольдта, различающего не только внутреннюю форму языка в целом, которая раскрывает национальное своеобразие, но и внутреннюю форму языка как индивидуальную особенность, реализуемую в речи. Более того, В. Гумбольдт считает, что своеобразие внутренней формы заключено в способе обозначения понятий и требует согласованности между элементами внутренней и звуковой формы языка [4].

Лингвистическая категория, рассматриваемая нами здесь как «внутренняя форма слова», явилась предметом пристального внимания в советской лингвистике. Особенно перспективен, на наш взгляд, подход к внутренней форме как связующему звену между ономаσιологическими и семасиологическими характеристиками лексической единицы. Так, В. Г. Гак справедливо утверждает, что «внутренняя форма — это образ, который лег в основу наименования» [5]. Он подчеркивает диалектическую взаимосвязь субъективного и объективного в акте номинации, поскольку при выделении признака, который кладется в основу наименования объекта, большую роль играет субъективное отношение именуемого объекта к именуемому. Поэтому наименование является в миниатюре

субъективным образом объективного мира [6]. В связи с этим выделяемый образ, согласно В. В. Виноградову, может уясниться только на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов [7].

Исходя из подобных рассуждений, можно также утверждать, что внутренняя форма языка не является перасчленимой. Составляя общенациональную и вместе с тем индивидуальную специфику языкового «прочтения» мира и манифестируясь в языке посредством различных лексических единиц, внутренняя форма языка должна состоять из отдельных «строительных блоков», сложных или элементарных конструкций, «кирпичиков», элементов. Начало же такой условной иерархии образует внутренняя форма простого слова как отдельный цельноформенный мыслительный образ [5].

2. Многие лингвисты, однако, часто отказываются признать лингвистический статус внутренней формы. Недооценка категориальных свойств внутренней формы привела к нагромождению в современном лингвистическом употреблении различных терминов и понятий, претендующих на роль «более подходящих» аналогов внутренней формы или характеристику ее отдельных аспектов (ср.: «буквальное значение», «этимологическая структура», «деривационное значение», «словообразовательное значение», «мотивация», «мотивировочный признак» и т. д.). На недостаточную разработанность теории внутренней формы повлияла также особая сложность ее семантической природы, ее знаковых характеристик. Действительно, признание статуса внутренней формы вносит определенные коррективы в интерпретацию языкового знака, составной частью которого она является. Не останавливаясь в настоящей работе на семиотических особенностях рассматриваемой категории, отметим, что многие лингвисты подчеркивают факт существования в слове двух форм — внешней (звуковой) и внутренней, выступающей как образ образа, представление, «символ, который является связующим звеном между звуковым составом слова и его значением» [8—14]. Все они указывают на необходимость исследования именно внутренней формы, являющейся, в особенности на уровне производных единиц, своеобразной семантической «меткой» лексического значения в языке, т. е. связанной с интенциональными характеристиками понятия.

3. Особого внимания заслуживает проблема разграничения понятий внутренней формы и этимологии. О внутренней форме слова А. Потебня говорит следующее: «В слове мы различаем: в н е ш н ю форму, т. е. членораздельный звук, с о д е р ж а н и е, объективируемое посредством звука, и в н у т р е н н ю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [15, с. 134]. Таким образом, подразумевая под внутренней формой «б л и ж а й ш е е этимологическое значение» (разрядка наша. — К. Т.). А. Потебня имел в виду в первую очередь способ образования имени при его синхроническом рассмотрении, а не обязательный учет всех его этимологических особенностей.

В современной лингвистике, как известно, нет единого взгляда на проблему взаимоотношений внутренней формы и этимологии лексических единиц. Более логично, думается, считать, что между этими понятиями не существует непосредственной взаимосвязи. При этом мы не отрицаем, что на определенном уровне внутренняя форма может иметь своей предпосылкой раскрытие этимологического значения соответствующих еди-

ниц, особенно с целью обоснованного подтверждения ее существования (это характерно в первую очередь для производных единиц типа *стол*). Главное же различие между внутренней формой и этимологией состоит в том, что последняя рассматривается преимущественно гипостазированно, безотносительно к синхронному состоянию лексического значения, в то время как внутренняя форма, имманентно присущая каждому слову, но всегда имеет для носителя языка скрытый характер, несмотря на возможное субъективирование ее оттенков, особенно в случае восприятия или интерпретирования *a priori*. В терминах математики можно говорить о том, что внутренняя форма откладывается и рассматривается на горизонтальной оси, в то время как этимология — на вертикальной оси, и чем больше развивается внутренняя форма лексической единицы, тем более отдаленными становятся ее первоначальная форма и значение, обнаруживаемые этимологией. Поэтому можно также постулировать существование отдельно э т и м о л о г и ч е с к о й в н у т р е н н е й ф о р м ы слова, обнаруживаемой посредством специальных исследований на определенном этапе развития языка *ad hoc*, и у з у а л ь н о й в н у т р е н н е й ф о р м ы лексической единицы, функционирующей в языке в настоящее время. Приведем несколько характерных примеров. Существенно отличаются узуальная и этимологическая внутренние формы следующих лексических единиц: *перо* (птицы и авторучки), *талант* (от меры веса), *средние века* (в разные эпохи данное понятие относится к различным этапам исторического развития), *красный уголок* (сегодня не только в значении «красивый», здесь имеет место и политическая семантика), *звездные войны* (от американского кинофильма под таким названием), *романтическая литература* (сегодня без окраски «фантастическая литература»), *народная демократия* (на данном этапе не воспринимается как тавтология), *драматический театр* (слово *драма* приобрело общее значение «пьеса») и т. п. Такая дифференциация внутренней формы особенно характерна для слов-интернационализмов (например, *кибернетика*, *филология*, *атом*, *цивилизация*, *автобус*). К узуальной внутренней форме можно отнести и явление народной этимологии (*зверобой*, *буреметв*, *мазилин*, *куролесить*, *мелкоскоп* и т. п.). Таким образом, подчеркивая второстепенное значение этимологии для раскрытия современного состояния внутренней формы, можно согласиться также с тезисом о том, что и по объекту изучения, и по проблематике учение о внутренней форме шире этимологии [16].

4. Внутренняя форма слова, связанная с этимологией, обладает онтогенетическими свойствами. Истоками ее возникновения могли стать первые средства коммуникации, основанные на «превращении врожденных двигательных координаций в жесты, мимику, звуковые сигналы, которые приобретают совершенно новое значение и начинают благодаря этому независимое существование, характеризующееся не меньшей стабильностью и все большей дифференцированностью» [17]. Будучи первоначально лишь сопутствующими феноменами, своеобразными звукопантомимами, звуковые коммуникативные сигналы, благодаря своей рациональности, универсальности и дифференцирующим способностям, становятся важнейшим средством коммуникации, выделяются в качестве конвенциональных сигналов, прообразов языковых знаков. При этом следует выделить то обстоятельство, что условная система сигналов могла возникнуть лишь в сплоченных группах представителей органического мира, когда коммуникация становится важнейшей потребностью.

В дальнейшем, по мере семантического наполнения, сигналы превра-

щаются в знаки, наделенные звуковой формой и определенным содержанием. В виде такого содержания на первых порах выступает умственный образ — внутренняя форма как основа будущего лексического значения. А. М. Коршунов справедливо подчеркивал: «Сформировавшись под влиянием мыслительных программ, модельные представления, образы-цели, образы-планы, символические образы включаются в дальнейшее развитие научного познания, интерпретацию знаковых систем и т. д.» [18].

В сфере первоначальных образов еще нельзя отделить внутренние формы от значений, объем их содержательных характеристик практически совпадает, поскольку как внутренние формы, так и «первичные» значения слов есть дифференцированные и вербализованные представления, получившие общезначимый характер [19]. Расчленение внутренней формы и значения произошло, видимо, уже после того, как человек, по мере перехода от «архаического мышления» (термин Ф. Кликса) к научному, научился мыслить абстрактно, создавать обобщенные наименования для класса предметов, выделять их категориальные признаки, что предопределило отношение г о м о м о р ф и з м а между этими двумя категориями семантики. Таким образом, с развитием цивилизации появились средства более полного и устойчивого воплощения сознания и «первое такое средство — искусственные знаки, вторичные, создаваемые сокращенным типизированным изображением, но не самого обозначаемого явления..., а только какого-то его бросающего признака» [20].

5. Учитывая все сказанное целесообразно различать имплицитные и эксплицитные внутренние формы. Имплицитные внутренние формы представлены, как правило, простыми словами, принадлежащими в большинстве своем к первозданной лексике. В лингвистической литературе можно встретить мнение о том, что в своей изначальной форме язык был вполне определенным и прозрачным знаком вещей, стремясь походить на них, отражать их в своей форме [21]. Другими словами, «первые» языковые знаки также обладали своими внутренними формами, фиксирующими специфические черты определенных денотатов. С таким же правом можно утверждать, что непроеизводные лексические единицы, которыми мы пользуемся в настоящее время, также обладают узуальной внутренней формой. Не создаем ли мы сегодня их внутреннюю форму? Не является ли внутренней формой то, что А. А. Ветров именует «умственным образом» в триаде «предмет — умственный образ — слово» [22], или «образ знака», «внутренний знак» (в противовес «образу денотата», «внутреннему денотату») у Ч. Пирса и Г. П. Мельникова [23]? Не будет ли целесообразным различать, вслед за А. А. Леонтьевым, «образ тела знака» и «идеальный образ предмета» (значение) [24] и признать их относительную самостоятельность? Е. М. Галкина-Федорук понимает под внутренней формой сохранившееся в слове представление о первичном признаке, находящемся в основе понятия [25]. Еще Л. Фейербах, подчеркивая тот факт, что в мышлении мы незаметно проводим различие между мыслью, значением и чувственным образом, писал: «Т а м , г д е н е т о б р а з о в , т а м н е т и п о б у ж д е н и я к м ы ш л е н и ю . И в самых абстрактных формах мышления мы применяем знаки и чувственные образы; но мы используем их не для того, чтобы действительно мыслить с ними, а для того, чтобы иметь нечто, от чего мы могли бы абстрагироваться» [26]. Подобное мнение высказывали также Л. С. Выготский [27], Г. В. Колшанский [28], А. Марти [29], В. Матезиус [30]¹.

¹ Заметим попутно, что относительно понятия «образ» мы согласны с В. С. Тютиним: «Образ есть отображение общих и относительных устойчивых признаков, определенный набор значений которых характеризует данный класс объектов» [31].

Одним из проявлений имплицитности внутренней формы непронизованных единиц является их относительная субъективность. В. И. Ленин писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [32]. Поэтому сам термин «внутренняя форма» можно воспринимать как несколько неудачный, поскольку не слова обладают внутренней формой, а люди «приписывают» ее этим словам, сами носители языка выделяют из лексического значения отличительный признак (признаки) в качестве внутренней формы, структурируя ее из известного им содержания единицы. Общность таких внутренних форм способствует взаимопониманию, акцентирует в соответствующих значениях наиболее релевантные признаки.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих наше понимание внутренней формы непронизованных единиц. Так, внутренней формой слова *газета* будет более или менее унифицированный для всех коммуникантов образ, репрезентирующий один или несколько существенных признаков, входящих в соответствующее лексическое значение, которое условно может соответствовать дефиниции, например, «периодическое издание в виде больших листов, обычно ежедневное, посвященное событиям текущей политической и общественной жизни» [33]. И вряд ли возникнет у кого-либо образ денежной единицы *gazetta* в Венеции, которая соответствовала стоимости первого вестника 450 лет назад. Произнесенное слово *око* потенциально продудирует общие черты знакомого нам денотата, но, пожалуй, никто из нас не станет реставрировать в процессе коммуникации этимологическую внутреннюю форму типа «щель для ока (глаза)». Однако подобная внутренняя форма корневого слова не одинакова для всех носителей языка, что зависит от многих культурных, социальных, ситуативных и многих других факторов. Например, внутренней форме слова *книга* соответствует образ, включающий необходимые, но различные черты книги: кто-то вообразит себе раскрытую книгу, которую он в настоящее время читает; кто-то представит себе инкунабулу, увиденную в музее, и т. д. Также по-разному может быть воспринята внутренняя форма слов *человек*, *дом*, *ваза*, *птица*, *дерево*.

6. В факте существования внутренних форм простых и производных единиц² проявляется, на наш взгляд, интересная языковая антиномия. Попытаемся ее кратко раскрыть. Производные слова и словосочетания обладают более или менее эксплицитной внутренней формой, «подсказывают» своим составом, структурными особенностями единую внутреннюю форму, претендующую на общность для всех коммуникантов. Например, не вызывает сомнения наличие у коммуникантов разнообразных внутренних форм слова *башня*, количество которых сокращается до минимума в словосочетании *Пизанская башня*. То же самое происходит при сопоставлении внутренних форм лексических единиц в рядах *машина* — *машинист* — *вычислительная машина*, *стол* — *настольный* — *столовая* — *письменный стол*, *дом* — *домосед* — *дом быта*, *книга* — *книжный* — *библиотека* — *техническая книга* и т. п. Из этих примеров вытекает также и то, что чем ниже словообразовательный уровень лексической единицы, тем более высокой степенной общности она обладает; наоборот, с уменьшением экстенционала понятия происходит не только увеличение

² Вслед за Е. С. Кубряковой мы считаем, что производным словом является «любая вторичная, т. е. обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последнего. Производными мы считаем и производные аффиксального типа, и сложные слова, и производные, созданные путем конверсии или же усечения, и т. п.» [35, с. 5].

его интенционала, но и конкретизация соответствующей внутренней формы. Поэтому весьма важно, чтобы эта «подсказанная» объективная внутреннего форма максимально соответствовала требованиям взаимопонимания, сопоставлялась в значении с наиболее важным, всем известным, легко запоминающимся признаком. Этим подтверждается также и тот факт, что сам язык с целью усовершенствования коммуникации избрал путь создания новых наименований: абсолютное большинство новых образований составляют именно производные единицы и их удельный вес продолжает увеличиваться.

С другой стороны, внутренняя форма в конечном результате — явление синхронное. И свойство это определено состоянием лексического значения, с которым эта внутренняя форма сопоставляется. Этимологические исследования способны обнаружить искомую или реконструировать совершенно другую внутреннюю форму, сопоставимую, скорее всего, с другим значением. Но отличительным признаком этих внутренних форм является их соответствие различным эпохам развития языка, где они по-разному будут мотивированы. При неизменной производной внутренней форме все более обнаруживается ее несоответствие эволюционирующему значению. В этом отношении более выгодными являются непроеводные слова, обладающие относительно «гибкой» внутренней формой. Следовательно, сущность антиномии состоит в относительном консерватизме внутренней формы производных единиц при наличии определенной степени объективности и в значительной гибкости, но относительной субъективности внутренних форм корневых слов.

В зависимости от ситуации общения коммуникативно релевантными могут быть разные признаки (смыслы) денотата (для студента-физика, например, понятие *электричество* во время экзамена выступает как особый физический феномен, в быту же — средство освещения). Но среди признаков всегда можно обнаружить один из них, регулярный и детерминирующий актуализированный признак. Именно такой обязательный, имманентный, интериоризированный признак, являющийся превербальным образованием и выделяемый *a posteriori* в виде умственного образа, можно рассматривать как внутреннюю форму непроеводного слова. Такой умственный образ является своего рода гносеологическим образом, поскольку внутренняя форма как сугубо языковая категория все же в известной степени связана с речевыми употреблениями (смыслами) выражений, индицирует их, влияет на акт референции, ибо в коммуникации «процесс приема представляет собой и процесс восприятия внутренних форм, заключенных в сообщении» [34].

7. Если приведенное здесь понимание внутренней формы корневых слов может вызвать некоторые сомнения (действительно, не всегда бывает возможным провести четкую грань между интенциональными характеристиками внутренней формы и лексического значения, что вызвано, думается, в первую очередь поистине «вавилонским» нагромождением различных толкований самого значения), то в группе производных единиц внутренняя форма обнаруживается сравнительно легко и однозначно, поскольку «простые слова референтны только по отношению к миру действительности, производные обращены к миру действительности и к миру слов» [35, с. 10]. Такое обращение к другим словам актуализируется посредством различных словообразовательных средств, в частности морфем. Но не следует при этом забывать, что словообразующим формантом может быть лишь морфема, падающая слово новым значением, а не его оттенком, в том числе и нулевая морфема, обеспечивающая переход сло-

ва в другую часть речи. Поэтому нельзя, например, считать словообразовательным формантом в паре слов *писать* — *написать* предлог *на*, придающий слову в данном случае форму совершенного вида. Здесь мы говорим не о разных внутренних формах, а о разных вариантах внутренней формы, соответствующих разным грамматическим значениям (но не лексическим). Следовательно, в приведенном примере уместно говорить о грамматической, а не о семантической производности. Такие словообразовательные средства Э. Косериу вполне справедливо называет *модификаторами* [36], поскольку они не являются полноценными семантическими компонентами языковых образований и лишь «модифицируют» внутреннюю форму, уточняют, обогащают ее.

Внутренняя форма производной лексической единицы определяется в первую очередь ее морфемной структурой, имеющей своей основной задачей «фиксировать тип семантических ассоциаций между производящими и производными единицами, закрепить определенный тип связи между ними» [37]. В качестве языковых средств репрезентации морфем способны выступать или корневое слово, или субститут морфемы, манифестируемый словообразовательным формантом. Модификатор, следовательно, не может представлять отдельную морфему, и поэтому его функции при создании новой внутренней формы являются вспомогательными.

Вместе с тем нельзя ставить знак равенства между словообразовательным значением и внутренней формой, поскольку «носителем словообразовательного значения является формант» [38], что лишь частично определяет внутреннюю форму; словообразовательное значение может быть свойственно целому ряду слов с общим морфемным построением, в то время как внутренняя форма слова по своей природе «индивидуальна».

Рассмотрим, например, термин вычислительной техники *счетчик*. Его компоненты — основа *счет-* и суф. *-чик*. Значению первого компонента соответствует общепринятое значение слова *счет*. Второй компонент репрезентирует семантическую единицу «устройство или лицо». Словообразовательная модель термина — «вербальная основа + суф. *-чик*». Данная модель прогнозирует семантическую модель «устройство или лицо, выполняющее действие, обозначенное основой». Если в эту семантическую модель подставить значение основы (значение суффикса в ней уже учтено), то мы получим внутреннюю форму *счетчик* — «устройство или лицо, выполняющее счет». Значение же термина, разумеется, включает и другие признаки. Такой компонентный анализ нашел отражение как в теории ономастических категорий М. Докулила [39], так и в теории семантической конденсации в словопроизводстве В. В. Мартынова [40], восходящих к концепциям польских лингвистов Я. Розвадовского [41] и В. Доршевского [42].

Приведем еще один пример. Допустим, именем является терминологическое словосочетание *контрольный кабель*. Основные характеристики этого имени: «вспомогательный кабель», «кабель, предназначенный для контроля», «кабель, употребляемый для измерения и управления», «кабель, посредством которого производится защита и связь» и др. Лишь вторая характеристика представляет собой внутреннюю форму и указывает на всю совокупность признаков данного денотата: «вспомогательный кабель, предназначенный для измерения, управления, защиты и связи» [43], что является словарной дефиницией термина и условно соответствует его лексическому значению.

8. Таким образом, по своим семантическим, когнитивным и словообразовательным характеристикам узусальные внутренние формы подраз-

деляются на: 1) эксплицитные внутренние формы: а) синтаксические: лексемные (например, *вычислительная машина*); б) производные: морфемные (например, *быстрота*, *учитель*) и переосмысленные внутренние формы — выражения, образованные путем «семантического словообразования» (термин Е. С. Кубряковой), например, *палец* — технический термин от *палец* (на руке), *медведь* — силач и *медведь* — род животного [44]; 2) имплицитные внутренние формы, т. е. внутренние формы непроемных единиц (ср., например, общеупотребительные слова *дом*, *рука*, *огонь*).

9. Мы не будем здесь подробно останавливаться на проблеме взаимоотношений между внутренней формой и значением. Отметим только, что внутренние формы являются лишь посредниками между лексическим значением и материальной языковой оболочкой, потенциально вступая со значением в отношение гомоморфизма. В этой связи А. Потебня писал: «Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его понимания слова» [15, с. 140]. Следовательно, анализ внутренней формы слова не всегда помогает определить его значение, а анализ значения — внутреннюю форму слова.

С такой точки зрения вряд ли целесообразно утверждать, что внутренняя форма слова представляет собой языковую мотивированность (тем более все разновидности последней). Более правильно рассматривать мотивированность как с в о й с т в о внутренней формы, как результат ее соответствия значению, а саму внутреннюю форму как о с н о в у мотивированности лексической единицы. Поэтому трудно целиком согласиться с утверждением о том, что «внутренняя форма — это морфосемантическая структура слова, включающая морфемный состав и выражаемое им мотивационное значение и обуславливающая рациональность связи его звуковой оболочки и лексического значения» [45]. Во-первых, «мотивационное значение» так или иначе включает в себя значение морфем и семантические взаимоотношения между ними. Во-вторых, вызывает сомнение также само понимание «рациональности связи»: 1) всегда ли внутренняя форма создает только р а ц и о н а л ь н у ю связь между звучанием и значением? Известны, например, случаи «ложно ориентирующих» (термин Д. С. Лотте) наименований; 2) неужели в случае отсутствия рациональности связи слово теряет свою внутреннюю форму? На оба вопроса мы, исходя из нашего определения внутренней формы, отвечаем отрицательно. Если такая рациональность связи не обнаруживается, то правильное говорить об отсутствии мотивированности, а не внутренней формы. Э. Косериу вполне справедливо утверждает, что мотивированность — это «оправданность» построения языкового выражения [46]. Следовательно, внутренняя форма всегда эксплицитно или имплицитно присуща лексической единице, чего нельзя сказать о ее мотивированности.

Исходя из нашего понимания внутренней формы, не всегда находит подтверждение также тезис о том, что «внутренняя форма слова — это выраженный мотивировочный признак» [47]. Обратимся к примеру. В целом можно согласиться с тем, что лексическое значение сложного слова *естествознание* репрезентируется как «науки о явлениях и закономерностях природы» [33]. Если этимологическая внутренняя форма обнаруживает здесь довольно четкую мотивированную связь со значением, поскольку *естество* является устаревшим синонимом слова *природа* [33], то узальная внутренняя форма, состоящая из современных значений

лексических единиц *естество, естественный, знание*, и семантических взаимоотношений между ними, не актуализирует необходимого мотивировочного признака. Приведем еще один пример. Внутренняя форма сложного слова *новолуние* репрезентируется двумя семантическими компонентами — *луна, новизна* и отношением «иметь атрибутом». Но вряд ли целесообразно считать, что данное слово мотивировано лексемой *новизна* (это подтверждается и его словарным толкованием): «Фаза Луны, при которой Луна находится между Солнцем и Землей и невидима для земного наблюдателя» [33]. Немало примеров такого несовпадения внутренней формы и мотивированности можно привести из различных терминосфер языка науки и техники [48].

Такая дифференциация оправдана как с точки зрения упорядочения лингвистической терминологии, так и в связи с необходимостью разграничения интенционалов этих двух родственных категорий языка.

Неидентичность понятий внутренней формы и мотивированности еще более наглядно подтверждается анализом многоосновных словосочетаний [48] и особенно явлениями лексикализации и идиоматизации значений. Так, например, мы не можем утверждать, что идиоматические образования не обладают внутренней формой, поскольку в них отсутствует мотивированность (т. е. имеет место невыводимость значения целого из значения его компонентов). Дело в том, что «внутренняя форма фразеологической единицы — это совокупность буквальных значений ее компонентов, обозначающих признак или признаки наименования в структуре образного фразеологического значения, связанная с ним деривационными отношениями» [49]. Благодаря такой дифференциации внутренней формы и мотивированности становятся возможными как эксплицитное представление внутренней формы, так и разработка объективных оценок мотивированности лексических единиц [50].

10. Таким образом, исходя из наших рассуждений, можно утверждать, что внутренняя форма языковой единицы не сводится однозначно ни к этимологии слова, ни к лексическому значению, ни к мотивированности, ни к простой сумме значений составляющих морфем. Внутренняя форма является сложной и многогранной категорией и, как все другие категории языка, не может быть полностью и безоговорочно охвачена одной небольшой, хотя даже и емкой, дефиницией.

Внутренняя форма лексической единицы репрезентируется морфемной структурой и образует не простую совокупность значений и употреблений ее составляющих, а некоторое единство взаимосвязанных и взаимобусловленных элементов. Внутренняя форма — системная характеристика слова или словосочетания, играющая роль «перекидного мостика» от звуковой оболочки к значению. Можно также предположить, что лексические единицы фиксируются в нашей памяти в первую очередь не в виде комплексов фонем и даже не в виде значений, а в виде внутренних форм. Без них не может осуществиться связь между планом выражения и планом содержания, хотя акт коммуникации, вполне понятно, вносит здесь некоторые свои коррективы. Внутренняя форма воплощает тот след, который слово оставляет в памяти человека. Слово именно потому отсылает человека к предмету (т. е. обладает для него значением), что оно имеет свою внутреннюю форму. Незнакомые слова не маркируются внутренней формой, не находят отклика в сознании коммуниканта. Поэтому прав А. А. Леонтьев, утверждая, что в памяти интерпретатора значение хранится не «само по себе», а в виде образа тела знака (внутренней формы в нашем понимании) [24, с. 30]. Заметим, что в наше понимание

образа включаются лишь признаки, входящие во внутреннюю форму, как возможная составная часть всего корпуса признаков лексического значения. Поэтому, будучи актом отражения при помощи языковых средств виртуального признака (признаков) денотата, внутренняя форма, с точки зрения апперцепции, манифестируется одновременно как представление (см. аналогичное мнение в работах [8, с. 39; 15, с. 108]).

11. Учитывая изложенное, можно предложить следующее рабочее определение внутренней формы лексических единиц: внутренняя форма — это умственный интериоризированный образ, потенциально абстрагирующий и отражающий в виде апперцепционного представления один или несколько существенных признаков денотата, вызываемый и фиксируемый в памяти носителя языка обусловленной морфемной структурой слова или выражения.

В заключение отметим, что мы не могли в рамках данной работы претендовать на полное раскрытие проблемы внутренней формы и тем более других затронутых категорий (знака, значения, понятия, смысла, мотивированности и т. п.), а ограничились рассмотрением лишь самых необходимых их аспектов. Разумеется, такой подход влечет за собой некоторую односторонность, неполноту изложения, что представляется нам в данном случае вполне оправданным, поскольку в подобной работе приходится сталкиваться с проблемами современного языкознания, которые или еще не решены окончательно, или же решаются разными лингвистами по-разному. Во всяком случае, не вызывает сомнения тезис, в соответствии с которым внутренняя форма лексических единиц является полноценной лингвистической категорией, занимающей важное место в таксономии языка и являющейся объектом научного интереса.

ЛИТЕРАТУРА

1. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980. С. 88.
2. Платон. Соч. Т. 3. Кратил. М., 1980. С. 479.
3. Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977. S. 8—10.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 107.
5. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 42.
6. Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. Сборник трудов. М., 1972. С. 124.
7. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947. С. 17—18.
8. Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1913. С. 39.
9. Белецкий А. А. Идеализм в понимании знаков и знаковых систем // Язык и идеология. Киев, 1981. С. 80—100.
10. Вардуй И. Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977. С. 23.
11. Вюстер Е. Международная стандартизация в технике. Л.—М., 1935. С. 30.
12. Гинзбург Е. Л. Преобразование словообразовательных гнезд. II / Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982. С. 134.
13. Перебийніс В. С. До питання про співвідношення категорії форми та змісту в лінгвістичних одиницях // Методологічні питання мовознавства. Київ, 1966. С. 52—53.
14. Солнцева В. М. Языковой знак и его свойства // ВЯ. 1977. № 2. С. 21.
15. Потебня А. Мысль и язык // Потебня А. А. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. I. Харьков, 1926.
16. Григорян А. Г. Некоторые проблемы системного и исторического изучения лексики и семантики // ВЯ. 1983. № 4. С. 62.
17. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 82.
18. Коршунов А. М. Диалектика субъекта и объекта в познании. М., 1982. С. 64.
19. Скоробогатов В. А. Развитие форм отражения. Л., 1984. С. 133.

20. *Ибраев Л. И.* Надзнаковость языка // ВЯ. 1981. № 1. С. 34.
21. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 83.
22. *Ветров А. А.* Семиотика и ее основные проблемы. М., 1969. С. 108—118.
23. *Мельников Г. П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 223.
24. *Психолингвистические проблемы семантики.* М., 1983. С. 32—37.
25. *Галкина-Федорук Е. М.* Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма // Вестник МГУ. 1964. № 3.
26. *Фейербах Л.* История философии // *Фейербах Л.* Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. М., 1974. С. 349.
27. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 167.
28. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 85.
29. *Marty A.* Über das Verhältnis von Grammatik und Logik // *Symbolae Pragenses. Festgabe der deutschen Gesellschaft für Altertumskunde zur 42. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Wien. 1893.* Prag — Wien — Leipzig, 1893. S. 105.
30. *Матезиус В.* Язык и стиль // *Пражский лингвистический кружок.* М., 1967. С. 455.
31. *Тюхтин В. С.* Теория автоматического опознавания и гносеология. М., 1976. С. 14.
32. *Ленин В. И.* Философские тетради // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.
33. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973.
34. *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973. С. 205.
35. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
36. *Coseriu E.* Inhaltliche Wortbildungslehre // *Perspektiven der Wortbildungsfor-*
schung. Bonn, 1977.
37. *Языковая номинация. Виды наименований.* М., 1977. С. 243.
38. *Русская грамматика.* Т. I. М., 1980. С. 135.
39. *Dokulil M.* Zum wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax // *Travaux linguistiques de Prague.* 1964.
40. *Мартьянов В. В.* Категория языка. Семиологический аспект. М., 1982.
41. *Rozwadowski J.* O dwuczłonowości wyrazów // *Język polski.* 1921. 6.
42. *Doroszewski W.* Kategorie słowotwórcze // *Sprawozdania z Posiedzeń Towarzystwa*
Naukowego Warszawskiego. 1946. 39.
43. *Международный электротехнический словарь. Группа 25: Производство, пере-*
дача и распределение электрической энергии. М., 1967.
44. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1962. С. 324.
45. *Блинова О. И.* Термин и его мотивированность // *Терминология и культура речи.*
М., 1981. С. 32.
46. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // *Новое в лингвистике.* Вып. III.
М., 1963. С. 217.
47. *Голев Н. Д.* О некоторых принципах выделения ономастологии и ее категорий // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования.* Вып. VII. Новосибирск,
1978. С. 7.
48. *Кияк Т. Р.* К проблеме мотивированности научно-технических терминов // *Струк-*
турно-семантические особенности отраслевой терминологии. Воронеж, 1982.
49. *Кулиш А. В.* Внутренняя форма фразеологических единиц // *Слово в грамматике*
и словаре. М., 1984. С. 187.
50. *Кияк Т. Р., Котилов Ю. С., Скороходько Э. Ф.* Количественные оценки соотноше-